

Общая. Помещаемся. —Ю.

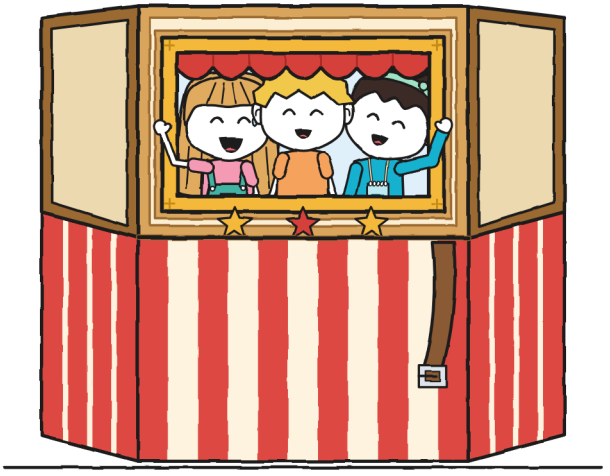
Если найдёшь её, верни сложенной.

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: настоящих драконов не существует, а посылки не прилетают обратно. Для настоящей переноски смотри последнюю страницу. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 6

Место для троих

LinguAula



(тетрадь Гуни)

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 6

Место для троих

Шестая книга серии. Предыдущие: «Эта посылка кусается», «Не открывать до грома», «Верните, пожалуйста», «Не здесь, Крошка!» и «Один торт на двоих».

Текст и иллюстрации: LinguAula

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

© 2026 LinguAula · info@linguaula.com

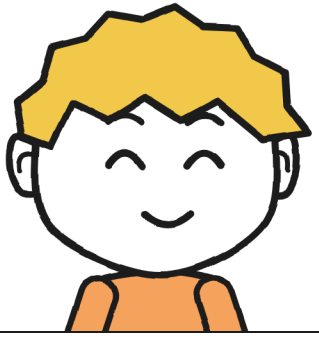
Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

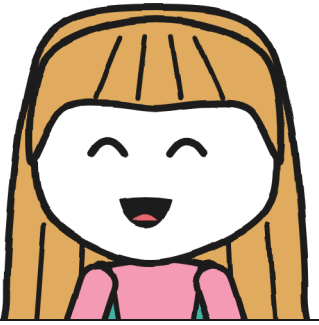
Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Втроём. Ручку я выбрала. —Ю.

КТО ЕСТЬ КТО

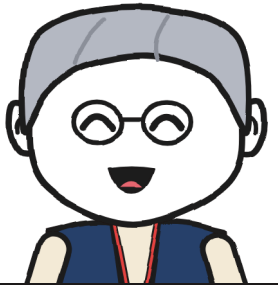


Гуни. Измеряет в сантиметрах. На этой неделе считает ещё кое-что.

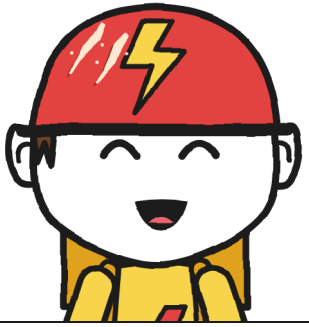


Юля. Знает дорогу. Объяснить её — другое дело.

Ноа. Давняя подруга Юли. Измеряет шагами: они всегда при ней.

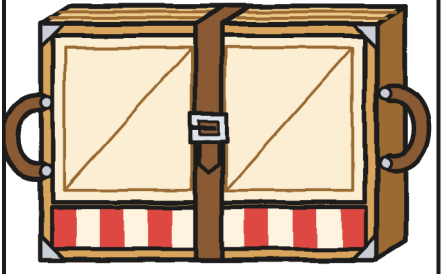


Ирена. Ведёт театральную мастерскую. Не говорит, куда идти: говорит «стоп».

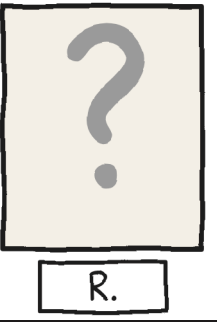


Тоньо. Из «МОЛНИИ» и из магазина. Засекает время и не высказывается. Почти.

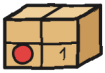
Мара. Одалживает посылку. Коробку не отдаёт.



No 6. Театр, который помещается в коробку. Если никто не держит ремень, раскрывается где хочет.



R. Отправитель. На этот раз в инвентарной книге осталась строчка.



ГЛАВА 1

Зачем нужны трое?

Пятая тетрадь закончилась двумя стрелками на циферблате, и я закрыл её так, не прося ни одну из них убраться. Законченная тетрадь остаётся такой, какой ты её оставил. В этом её достоинство: спорить с ней уже никто не может.

Шестая оранжевая. Оранжевая, как мандарин из тех, что чистятся целиком, если не торопиться, и в уголке у неё тоже печать магазина. Мара оставила её на прилавке, рядом с розовой, и ушла в подсобку расставлять коробки, которые и без того стояли в порядке. Мара не вручает тетради: она кладёт их туда, куда ты посмотришь.

Для первой страницы у меня есть традиция. Второй тетради я дал слово ОФИЦИАЛЬНАЯ, третьей — СЕКРЕТНАЯ, четвёртой — ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ, пятой — СПОКОЙНО. Четыре слова с замком, и все четыре Юля прочитала раньше всех, включая меня. В этот раз я искал слово, которое заранее на это рассчитывает.

Сверху я написал ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 6 · Гуни, как положено. А под этим — одно слово:

ОБЩАЯ.

И оставил полстраницы свободными, на всякий случай. На какой именно случай, я не знал. Узнал сразу: свободными они пробыли меньше минуты.

Юля стояла по ту сторону прилавка. Тетрадь она не просила: потянула её к себе одним пальцем, открыла зелёный фломастер и написала на свободной половине такими большими буквами, что дошла до поля, подумала и продолжила на поле. Потом закрыла фломастер с лицом «это не я» — а такое лицо в этом магазине теперь у всех.

Я поделилась первой страницей — своим почерком.
—Ю.

Я измерил, сколько она заняла: нижнюю половину, целиком. Моё слово со всем воздухом, который я вокруг него оставил, заняло верхнюю. Две половины. Мне показалось, что это очень разумное деление.

Как всегда, для тех, кто попал в эту тетрадь, не прочитав остальные. Магазин называется «Невозможные доставки», он принадлежит Маре, а она ведьма, носит фиолетовую шляпу и владеет печатью, которая при оттиске рассыпает искры с запахом погасшей свечи. На левой полке она хранит

возвращённые посылки: те, которые никто не сумел доставить, и все они присланы от R. Если получатель не распишется на этикетке чернилами, которые не стираются, на рассвете посылка прилетает обратно на свою полку. Их было двадцать. Мы с Юлей доставили пять: драконье яйцо, семена с ножками, колокольчик, набор для прибытия и подставку для пекарни Элии. На стене зелёными буквами написано ОСТАЛОСЬ 15. У Тоньо из «МОЛНИИ» есть своё место: перевёрнутый ящик рядом с табуретами. Пока что.

В понедельник, на следующий день после записки Элии, я вышел из школы и пошёл прямо в магазин. Юля ждала меня у прилавка с конвертом в руке. Он был не зелёный и не синий: других цветов конвертов я не знаю. Бирюзовый, и закрытый. Она держала его двумя пальцами за уголок, как будто он обжигал.

— Его принёс почтальон. Написано: «В магазин «Невозможные доставки»». Я его пока не открывала.

— Сколько уже не открываешь?

— Двадцать восемь минут, — сказал Тоньо из своего ящика, глядя на часы. — Рекорд района.

Шлем он надел прямо в магазине, с двумя полосками-когтями, а часы носил поверх рукава, чтобы не тратить время на закатывание.

Юлю я знаю. Закрытый конверт у неё в руках живёт ровно столько, сколько нужно, чтобы найти клапан. Двадцать

восемь минут — это не терпение. Это было что-то другое, и я не понял что.

Он был не мой. Чужие конверты весят втрое больше. —Ю.

Мара вскрыла его ногтем, не порвав лишней бумаги. Письмо было написано ясным взрослым почерком, из тех, что не загибаются в конце строки:

«Меня зовут Ирена, я руковожу театральной мастерской соседского центра. Обновляя инвентарную книгу, я нашла запись: „Складной театрик: ожидает получения“. Он у вас? В субботу, 31-го, районные состязания. Если театрик приедет сложенным к нам во двор, принесённый командой из троих, я подпишу его прямо там. В команде Ноа есть место для троих, а пока там только она.»

Ниже другим почерком, мелким и прямым, бирюзовым:

«Юля: это я! Теперь я занимаюсь театром. Приведи кого-нибудь, кто разбирается в посылках. —Ноа».

Юля прочитала подпись, и у неё приподнялся уголок рта, только один, как когда вспоминаешь то, о чём рассказывать не собираешься. Она тихо сказала «Ноа», так произносят название улицы, по которой ходили тысячу раз.

«Кого-нибудь, кто разбирается в посылках». Это был я. «В посылках» мне понравилось. «Кого-нибудь» — меньше.

В пять пришли они обе.

У Ирены были папка, тёмно-синий жилет с кучей карманов и свисток на шее. Волосы короткие, седые, очки круглые, и этими очками она обошла магазин полка за полкой, как человек, который делает инвентаризацию, хотя его об этом не просили. У Ноа — блокнот на шнурке и бирюзовый карандаш за ухом. Волосы — высокий пучок кудряшек, перехваченный мятно-зелёным платком; свитер бирюзовый, как конверт. Всё в ней было поставлено на место так, чтобы не пришлось искать.

Юля вышла из-за прилавка, не открывая дверцу, а под ней, и они обнялись. Обнимались так долго, что я успел засечь время: одиннадцать секунд. Я стоял в стороне, с тетрадью. Тетрадь тоже нужна для этого: чтобы было что держать в руках.

— Это Гуни, — сказала Юля. — Он разбирается в посылках.

— Привет, Гуни, который разбирается в посылках, — сказала Ноа. И записала моё имя в блокнот.

Записала целиком, вместе с «фамилией», которую только что мне дала. Со своего места я увидел, что я — вторая строка на странице. Первая была «Юля», и под ней была черта, как под тем, что уже сделано.

Мара встала на синий табурет и сняла с полки № 6. Коробка как все: не больше и не меньше. На этикетке пять машинописных строк: № 6. МАСТЕРСКАЯ ВО ДВОРЕ. ВХОД ЧЕРЕЗ ДВЕ ДВЕРИ. ДОСТАВЛЯТЬ СЛОЖЕННЫМ. А внизу, как

всегда, ОТПРАВИТЕЛЬ: R. Вокруг — девять печатей ВОЗВРАЩЕНО.

— Девять печатей, — сказала Юля.

— «Две двери», — прочитала Ноа. — Какие две двери?

Ирена не знала. Мара — тоже. Я записал это со знаком вопроса: так я записываю то, чего не знаю, чтобы осталось видно, что я это заметил.

— Я носила её девять раз, — сказала Мара. — По понедельникам мне открывали швеи. По средам — хор. По пятницам — шахматисты. «Мастерская? Это не здесь.» За мастерскую никто не расписывался.

Я нарисовал это, пока она говорила, тремя картинками: Мара с коробкой под мышкой перед одной и той же дверью, а в двери по очереди игла с ниткой, музыкальная нота и шахматный конь, который ничего не говорил, потому что в шахматах молчат. Ниже — коробка влетает в окно магазина на рассвете. Девять раз.

— Театр репетирует во дворе, — сказала Ирена. — А во дворе нет звонка.

Она раскрыла папку и показала Маре лист с печатью центра. Мара читала его, поднеся нос совсем близко, — так она читает то, что собирается принять всерьёз.

— Теперь это есть в журнале: «Театральная мастерская. Руководитель: Ирена». За мастерскую теперь есть кому расписаться.

— Раз есть кому расписаться, пусть Мара отнесёт его в коробке, как подставку Элии, — сказала Юля.

— Я носила его так девять раз, — сказала Мара. — Теперь условия ставит получатель.

— Театрик нужен для площадей, — сказала Ирена. — Мои ребята должны справиться с ним на улице. Не справятся — мне он не подойдёт. А я не расписываюсь за то, что мне не подходит.

— Это я уже слышала в одной пекарне, — сказала Мара.

У меня был вопрос с тех пор, как я прочитал письмо, и я задал его, пока он не истёрся.

— А зачем нужны трое?

Я спросил по-настоящему. Свёрток с двумя ручками; два человека, по одному на ручку. Я пересчитал на пальцах, и у меня выходило двое.

Никто не засмеялся. Ирена посмотрела на меня поверх очков, как смотрят на деталь, которая подходит лучше, чем казалось.

— Хороший вопрос. Во вторник, во дворе, вы мне на него ответите.

Мара раскрыла свою книгу и записала условия. Условия Мары всегда умещаются в одну руку; я пересчитал их на своей, и большой палец остался лишним:

- № 6: одолжен для репетиций.
- Выходит с Иреной или со мной.
- Возвращается сложенным.
- Ночует здесь.

Этикетка остаётся в коробке, а коробка — у Мары.

Если он ночует на своей полке, утром ему некуда возвращаться. Он всё ещё на девяти печатях. Я спросила. —Ю.

Во вторник мы пошли во двор соседского центра. С тротуара входишь через железную калитку с множеством

слоёв краски, которая закрывается сама: отпускаешь её, и она медленно возвращается до щелчка, как собака, которая садится без команды.

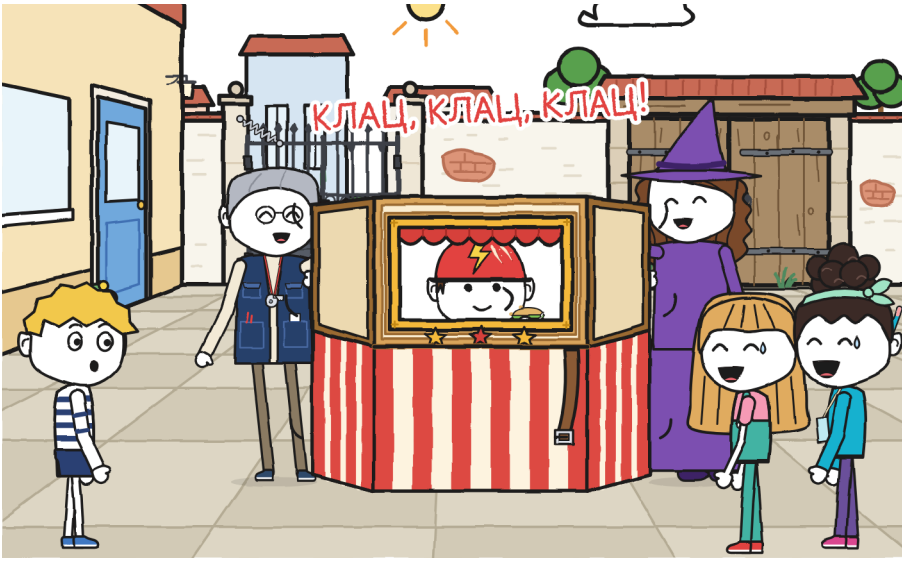
Мара поставила коробку на землю и сняла крышку. Выйдя, театрик вырос, как подставка Элии. Я больше не пугаюсь: достаю рулетку.

Закрытый, он был плоским свёртком из деревянных панелей и ткани, с ручкой с каждой стороны и ремнём, продетым в пряжку с тремя дырками. Метр на семьдесят сантиметров и, на ребре, одна ладонь. Калитка с открытой створкой — девяносто сантиметров. На ребре он помещался в калитку. Это было самое простое.

Прежде всего Ирена захотела проверить, цел ли он. Она отпустила ремень и повернула свёрток. Панели раскрылись сами, под собственной тяжестью, одна за другой: клац, клац, клац. Сцена с тремя стенами, коротким занавесом и окном в раме на задней панели.

В окне был виден Тоньо, который шёл по тротуару с бутербродом. Рот у него был набит. Поздороваться он не смог. Он на мгновение застыл в рамке, в шлеме, с одной щекой толще другой, как портрет какой-нибудь важной особы, написанный в обеденное время.

— Цел, — сказала Ирена. — Правило мастерской: руки на ручках. На шарнирах — никогда. А на поворотах кто-нибудь держит ремень.



Я записал это дословно.

Ирена и Мара сложили его и застегнули ремень.

— Попробуем мы, — сказала Юля. Ноа уже стояла у второй ручки.

Они не переглядывались, чтобы решить. Даже не говорили об этом: каждая пошла на свою сторону, как идут на привычный стул.

Они сосчитали до трёх и подняли. Смогли. Прошли круг по двору, не спеша, чуть расставив локти, и театрик плыл между ними, не раскачиваясь, как хорошо несомый поднос. Дошли до калитки. Калитка была закрыта.

Юля посмотрела на неё. Ноа посмотрела на неё. У них было четыре руки, и все четыре заняты.

Я стоял в двух метрах: обе мои руки свободны, и тетрадь.

Ирена, в глубине двора, с папкой, прижатой к груди, молчала. Ни «помоги им», ни «ты».

Я придержал калитку спиной. Они прошли. Ирена что-то записала в папку.

В тот вечер я придумал прибор этой тетради. Он пятый в моей карьере, после дрожеметра, краснометра, тутометра и шумомера, и первый, который измеряет не одного человека, а сразу нескольких. Я назвал его ТРОЙКОМЕР, «кто что делает на каждом участке». Одна строка на участок и три клетки, у каждой свой рисуночек:

- НЕСТИ: две руки на двух ручках.
- НАПРАВЛЯТЬ: говорить, куда и когда.
- РАСЧИЩАТЬ ПУТЬ: двери, бордюры, люди.

В первой строке, «двор, первая попытка», я записал «Юля и Ноа», «Юля и Ноа» и пустую клетку. Во второй, «двор, вторая попытка», то же самое, но в третьей клетке написал «Гуни».

Два повторяющихся имени и пустая клетка: не проходит. С заполненной клеткой — проходит. Ответ для Ирены у меня уже был, и он был мой.

И я записал ещё кое-что, поменьше: «Калитку может удержать и камень».

Я написал это, почти не нажимая на карандаш.

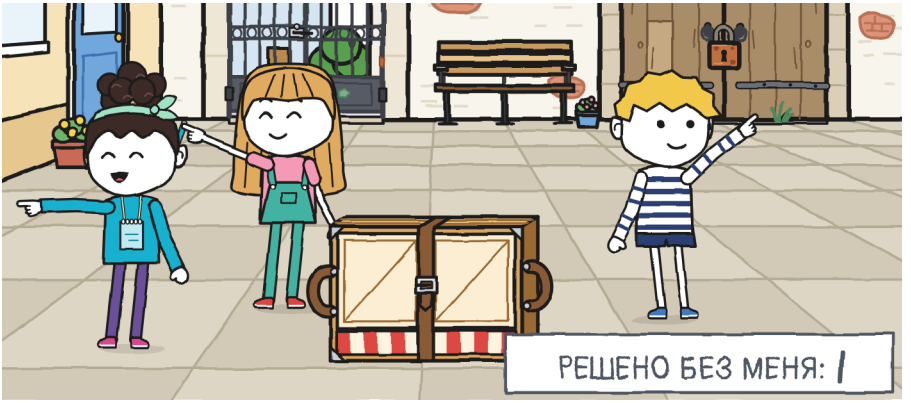
Оставалось понять этикетку.

— Две двери — это две створки калитки, — сказала Юля.

— Откроем обе, — сказала Ноа.

— Сначала можно было бы измерить ограду снаружи, — сказал я.

Мы показали одновременно. Юля — на калитку. Ноа — на зал мастерской. Я — на улицу.



— Потом, — сказали обе.

Сказали одновременно и с одной и той же музыкой, как будто репетировали. Наверное, репетировали. Годами.

Пошёл я один. Вышел через калитку, которая закрылась за мной со своим щелчком, и обошёл ограду, измеряя рулеткой,

участок за участком, записывая каждое число в тетрадь, опёртую о колено. Ограда была длинная и выходила в переулок с запахом стоячей воды. И там, за поворотом, я нашёл одну вещь.

Я вернулся быстро, с этой вещью в голове и с неубранной рулеткой, волоча по тротуару метр жёлтого. Когда я вошёл, Юля и Ноа смеялись над чем-то из времён до меня. Они смеялись плечами, без звука, и Ноа касалась руки Юли, чтобы та перестала, а Юля не переставала.

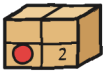
Я открыл рот.

— Уже решено, Гуни, — сказала Юля. — Это две створки.

В нижнем углу страницы, мелко, карандашом, я написал: РЕШЕНО БЕЗ МЕНЯ. И рядом — чёрточку. Я писал это с ещё открытым ртом.

Я закрыл рот. И тетрадь.

Эту чёрточку я увидела через два дня. Она была моя. —Ю.



ГЛАВА 2

Кто знает дорогу?

В среду предстоял первый маршрут: от магазина до двора, по улице, с театриком на руках и под взглядами людей. Весь послеобеденный урок я рисовал тройкомер на полях листка, с новой строкой и пустыми клетками, чтобы заполнить их втроём.

Когда я пришёл в магазин, тройкомер уже был заполнен. Зелёным.

Юля открыла мою тетрадь на странице с прибором и добавила строку своим афишным почерком: «магазин → двор». В клетке НЕСТИ стояло «Гуни и Ноа». В клетке НАПРАВЛЯТЬ — «Юля». В клетке РАСЧИЩАТЬ ПУТЬ — снова «Юля». Фломастер лежал сверху, без колпачка, как улика, которую никто не потрудился спрятать.

— Вы с Ноа несёте, — сказала Юля. — Я направляю, я знаю дорогу. А раз я иду впереди, я расчищаю путь.

— Мы придумали это, пока шли, — сказала Ноа.

Она сказала это не для того, чтобы выиграть. Она сказала это так, как называют адрес: потому что это была правда. Они пришли откуда-то вместе, и по дороге успели подумать. Я, по своей дороге, подумал о том же, но на полях листка, а это не считается за «пришёл».

Зелёное не стирается. Вторая чёрточка.

— Перед выходом можно было бы сделать план, — сказал я. — С пронумерованными поворотами.

В голове у меня он был наполовину готов: дверь магазина, бордюр, обувной, площадь с фонтаном, повороты с номерами в кружочках, как станции поезда.

— План не нужен, — сказала Юля. — Всё время прямо до хромой рыбы.

Ноа прыснула. Юля — тоже. Не маленький смешок: такой, который начинается у одной и заражает другую раньше, чем первая успела закончить, и возвращается, и уже не понять, у кого он.

— Какой рыбы?

— Хромая рыба — это хромая рыба, — сказала Ноа, всё ещё согнувшись.

— Это длинная история, — сказала Юля.

— И очень хорошая, — сказала Ноа.

Я ждал. Карандаш завис в воздухе, готовый записать историю, на случай если она пригодится в дороге. Мне её не рассказали. Они понемногу успокаивались, вытирая глаза рукавом, и когда одна смотрела на другую, смех возвращался понемногу, как икота.

Я опустил карандаш. Третья чёрточка.

Мара достала театрик из коробки у дверей магазина, на тротуаре, а коробка осталась внутри, со своей этикеткой и девятью печатями. Ноа застегнула ремень на первую дырку.

— Так он быстрее расстёгивается, когда придём.

Это была хорошая причина. Я записал: «Дырка 1: быстрее расстёгивается». Остального я не записал, потому что остального ещё не знал.

Я шёл впереди, Ноа — сзади, каждый одной рукой за свою ручку. Впереди видна улица. Сзади виден только театрик: метр дерева и расписной ткани в ладони от носа, как идти за шкафом. Другую руку Ноа держала рядом с ремнём — по привычке или по правилу Ирены — и тихо считала. Считала шаги. Спереди я её слышал: «...двадцать один, двадцать два...» — тем тоном, каким другие напевают.

Ирена шла последней, с папкой и свистком. Она не говорила, куда идти. Она говорила «стоп», когда встречался бордюр. Говорила один раз и не повышая голоса, и мы

останавливались, и казалось, что вся улица остановилась вместе с нами.

Юля расчищала путь отлично. Она шла на несколько шагов впереди, спиной вперёд, и махала руками, как тот, кто паркует грузовик.

— Дорогу, идёт театр!

Обувщица вышла на порог посмотреть, с наполовину зашнурованным ботинком в руке. Мужчина с собакой переждал в подъезде; собака тоже переждала, а это труднее. Далеко, на другом конце района, прозвенел звонок. Динь.

— «МОЛНИЯ» репетирует своё испытание, — сказала Ноа. — Они на велосипедах, с конвертом. А мы пешком, вот с этим.

— С этим не бегают, — сказала Ирена.

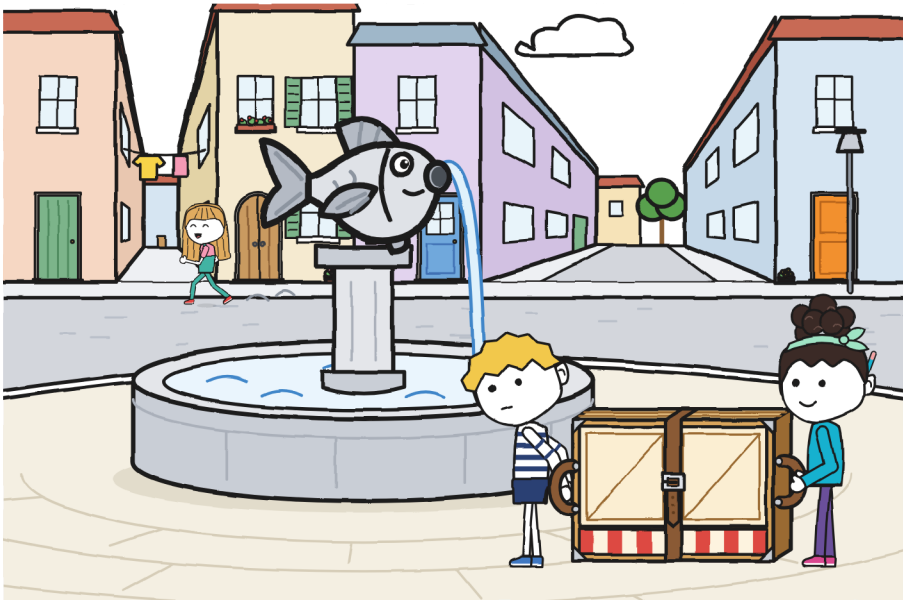
Тоньо рассказал мне в понедельник: на каждом пункте «МОЛНИИ» надо приходить втроём, иначе не засчитывается. Я записал это тогда, не зная зачем.

Мы пришли на площадь с фонтаном. Она круглая, со скамейками вокруг и голубями, которые не уступают дорогу никому. Юля обернулась, крикнула указание и побежала к центру, чтобы успеть придержать калитку.

— До хромой рыбы и сворачивать!

И её уже не было. Мелькнул её комбинезон между двумя прохожими, и всё.

Посреди фонтана стоит каменная рыба на верху короткой колонны, с открытым ртом, как будто хотела что-то сказать и передумала. Я хорошо к ней присмотрелся. С моей стороны у неё были все плавники.



Я думал быстро, хотя это не моё. Моё — думать медленно и с линейкой. Но театрик был тяжёлый, Ноа шла сзади и ничего

не видела, а улица продолжала идти вокруг. Я прижал тетрадь к ручке и написал две строчки:

1. Рыба в фонтане: плавники на виду, все. Не хромая. Значит, есть другая рыба.
2. Сворачивать: в какую сторону? Налево — узкая улица. Направо — широкая улица. Театрик лучше проходит по широкой.

Под этим — толстая стрелка вправо. Безупречное рассуждение. Неверным в нём было только начало.

— Сворачивать уже? — спросил я назад.

— У хромой рыбы! — сказала Ноа из-за театрика.

Ноа не видела ничего, кроме дерева. Оттуда хромая рыба была словом, и слово было сказано правильно.

Я продолжал искать другую рыбу. Смотрел на подъезды, на вывески, на рыбный магазин, который оказался скобяной лавкой. Другой не было. Я свернул направо.

Никто не сказал «поворот». Никто не держал ремень. На первой дырке пряжка держит слабо.

Клац. Клац. Клац.

Панели раскрылись медленно, одна за другой, вокруг Ноа, как листья артишока, который кто-то раскрывает изнутри.

Ирена свистнула в свисток. Когда шум стих, посреди улицы стоял театр. А внутри театра — Ноа.

— Привет, — сказала она в окно.

Руки она держала высоко, подальше от шарниров, как ей и говорили. Ремень свисал до земли. Моя ручка так и осталась у меня в руке, но она уже не была ручкой чего-либо: она была краем сцены.

Ирена посмотрела на руки Ноа. Потом — на мои. Посмотрела по-настоящему, палец за пальцем, с обеих сторон. Все были целы: панели лёгкие и раскрываются медленно.

— Кто направлял? — спросила она.

Никто не ответил. Тот, кто направлял, держал калитку двумя улицами дальше.

Мы сложили его вдвоём с Иреной, держась за рейки, не торопясь, панель за панелью. Ноа, уже снаружи, застегнула ремень и на этот раз дёрнула его дважды. Пока складывали, я измерил: от моей ноги до фонтана — четыре метра. Я записал это с ещё вытянутой на земле рулеткой, от моего ботинка до каменного края.

Юля прибежала обратно.

— Но ведь это было у хромой рыбы!

— У какой хромой рыбы?

— Вот у этой! — Она показала на фонтан. — Налево. Как всегда.

— «Всегда» — это до того, как я здесь появился.

Я сказал это не сердито. Я сказал это так, как поправляют дату. Юля на секунду дольше, чем нужно, постояла с рукой, вытянутой к фонтану, а потом повернулась к Ирене, у которой была раскрыта папка.

— Просто Гуни заблудился.

Я не заблудился. Я точно знал, где нахожусь: в четырёх метрах от фонтана. Я только что это измерил.

Ноа смотрела на нас по очереди, с блокнотом, прижатым к свитеру. Ирена что-то записала. Что — не сказала.

Это тоже решили без меня. Четвёртая чёрточка.

Я сказала это вслух и при людях. Знаю. —Ю.

Мне показали другую сторону рыбы. Мы втроём обошли фонтан, с театриком, сложенным между Ноа и мной, и Иреной сзади. У неё нет плавника — левого. С той стороны, откуда приходишь по улице от магазина, его не видно: рыба поворачивается хорошей стороной, как те, кто позирует на фотографиях. Чтобы его увидеть, надо знать, что его нет.

Я нарисовал её с обеих сторон, рядом. Одна и та же рыба, две рыбы.

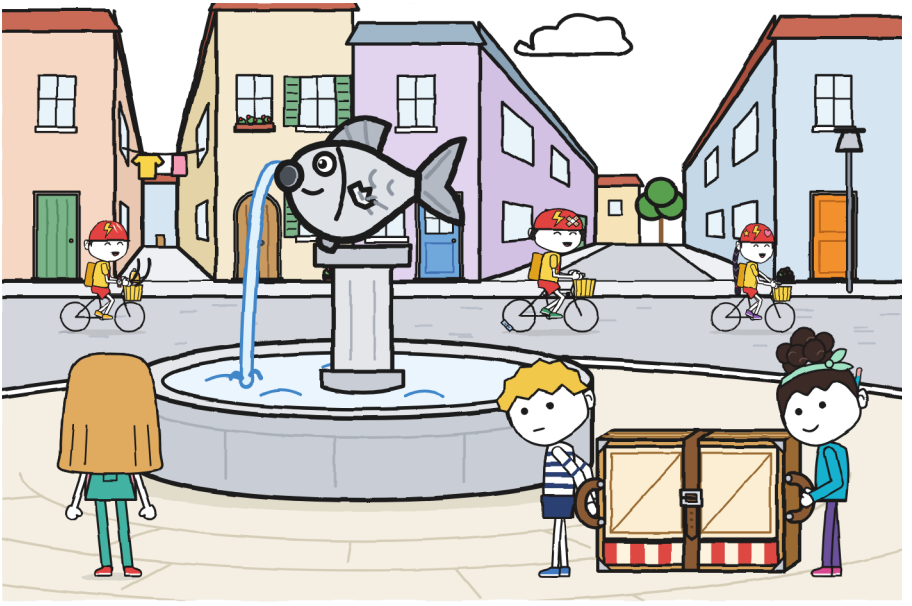
Мы повторили поворот. Вернулись на несколько метров, к началу улицы, и сделали ещё раз, теперь с Юлей рядом со мной. В первый раз я сказал «поворот» слишком рано, и Ноа придержала ремень перед подъездом, зря. Во второй — слишком поздно: с половиной театрика уже в повороте, пока Ноа искала ремень на ощупь. В третий получилось. Получилось хорошо, без клац. Но никто не говорил. Даже Юля, которая всегда говорит.

Тут по мостовой проехала «МОЛНИЯ»: Зоя, Бруно и Тоньо, цепочкой, руки на руле. Динь на углу. Зоя впереди, коса по ветру; Бруно посередине, с конвертом в корзине; Тоньо

последним, с пальцем на звонке. Они объехали фонтан, не тормозя и не задев друг друга, всё время на одном расстоянии, как стрелки часов, которые никогда не догоняют друг друга.

— Пункт один — с первого раза, — сказал Тоньо, проезжая.

Он сказал это не нам. Тоньо объявляет данные вслух, даже если некому слушать; именно это делает его «МОЛНИЕЙ». Но мы услышали.



Руки Юли висели. Руки Юли не висят никогда: то идут, то летают, показывают, расчищают путь. В тот вечер, пока затихал звонок, они висели по бокам, как две ручки без театрика.

До двора мы дошли почти ночью. На последнем участке направлять не пришлось: калитка была на виду. Юля придержала её рукой и не сказала «дорогу!». Мара ждала внутри. Она убрала театрик в коробку и унесла в магазин, ночевать на своей полке.

Я записал сегодняшнее в тройкомер, под зелёной строкой, и добавил новую колонку, узкую, карандашом: «раскрылся · повторено 3 раза». У всех трёх клеток были имена, и всё равно на улице раскрылся театр. Тройкомеру чего-то не хватало. Я не понял чего. Рядом я нарисовал большой знак вопроса, из тех, что ставлю, когда вопрос не к району, а к прибору.

Моё имя в этой строке два раза. И меня не было ни там, ни там. —Ю.

Дома, после ужина, я сел за стол с включённой лампой и открыл тетрадь на последней странице.

Там я нарисовал то, что нашёл во вторник за оградой. Аккуратно, с линейкой, с метрами, которые записал, опираясь тетрадью о колено. Получалось очень хорошо. Получалось так хорошо, что я какое-то время смотрел на рисунок, не двигая карандаша.

Мама заглянула в дверь пожелать спокойной ночи. К этому времени моя рука уже лежала на рисунке. Она пожелала,

посмотрела на мою руку, ничего не спросила и закрыла дверь.

Я закрыл рисунок рукой, хотя был один. С одного края выглядывал кусок ограды и половина замка.

Я подумал: «Завтра они снова ошибутся. Тогда я это достану».

План показался мне хорошим. Было даже назначено время.

Эту страницу я прочитала в четверг. Она мне не понравилась. Моя от среды — тоже. —Ю.

ГЛАВА 3

Годится ли план Гуни?

В ту ночь, когда рука устала закрывать, я нарисовал весь план.

Двор сверху, как его видят голуби. Ограда, измеренная участок за участком, с числами, которые я записал во вторник на колене. Калитка со стрелкой «закрывается сама». Фонтан, с рыбой, нарисованной с её плохой стороны, чтобы она больше никого не обманывала. Магазин, в углу, маленький. Три участка, пронумерованные в кружочках. И позади ограды — то, что было во вторник.

План получился очень хороший. Один из лучших, что я делал, а делал я их много. Я какое-то время рассматривал его, наклонив лампу так, чтобы карандаш не давал тени. Потом сложил его вчетверо, прижимая сгибы ногтем, и спрятал в тетрадь, между двумя страницами, которые никак с ним не были связаны.

В четверг в магазине Ноа считала.

Она стояла на тротуаре перед витриной и шла к бордюру длинными, одинаковыми шагами, не глядя под ноги. Смотрела вперёд, туда, куда шла, и шевелила губами.

— От двери до бордюра — шесть шагов. От бордюра до фонаря — одиннадцать.

— Это измеряют рулеткой, — сказал я.

— Я измеряю шагами. Они всегда при мне.

Я задумался. Это была правда: рулетку надо достать, вытянуть, придержать ногой, а потом она сама сматывается и кусает за палец. Шаги дома не забудешь.

— Сколько в твоём шаге?

— Один.

Я измерил её шаг. Вытянул рулетку на полу магазина, и Ноа сделала один длинный шаг, свой, не задумываясь, как расписываются. Я наклонился прочитать метку: пятьдесят восемь сантиметров. Она записала в блокнот. Я — в тетрадь. Обе записи гласили одно и то же: «1 шаг Ноа = 58 см».

— А твой? — спросила она.

Я не знал. Я измерил себя. Сделал шаг над рулеткой, обычный, из тех, что ходят в школу, и Ноа наклонилась прочитать, потому что сверху я не мог увидеть, не сдвинув ногу: пятьдесят один сантиметр. Она записала и это. Я всю жизнь ходил со своими шагами и ни разу их не считал.

Юля смотрела на нас с прилавка, скрестив руки и приподняв бровь, как смотрят на двое часов, показывающих одно и то же время.

Я думал, что Ноа будет второй Юлей. Нет. Ноа считает.

Мы пошли во двор с Иреной. Юля и Ноа хотели проверить свою идею: открыть обе створки калитки.

Первая створка открывается и закрывается сама: мы её знали. Вторая не открылась. Её тянули обе, каждая двумя руками, упёршись ногами в землю, Юля красная, Ноа вслух считала до трёх, и на «три» ничего не произошло. Ирена присела посмотреть. На ней краска поверх краски, а на земле лежит болт, который её держит, толстый, как палец.

— Значит, этикетка неправильная, — сказала Юля.

— Точно, — сказала Ноа.

Они решили это за две секунды. Я их сосчитал. Я достал карандаш для чёрточки. Это была бы пятая.

Я её не сделал.

Карандаш остановился в пальце от бумаги. Я посмотрел на ряд чёрточек в уголке страницы: четыре, аккуратные, прямые, все одного размера. Я делал их очень тщательно. И одной не хватало.

Во вторник за оградой я тоже решил одну вещь, ни у кого не спросив: промолчать.

Под РЕШЕНО БЕЗ МЕНЯ, тем же почерком и карандашом, я написал вторую строку: РЕШЕНО БЕЗ НИХ. И чёрточку. Она вышла кривее остальных.

— Этикетка не неправильная, — сказал я. Вышло громче, чем я хотел. — У двора есть ещё одна дверь. Она сзади, в переулке у канала. Она старая, с замком. Я нашёл её во вторник.

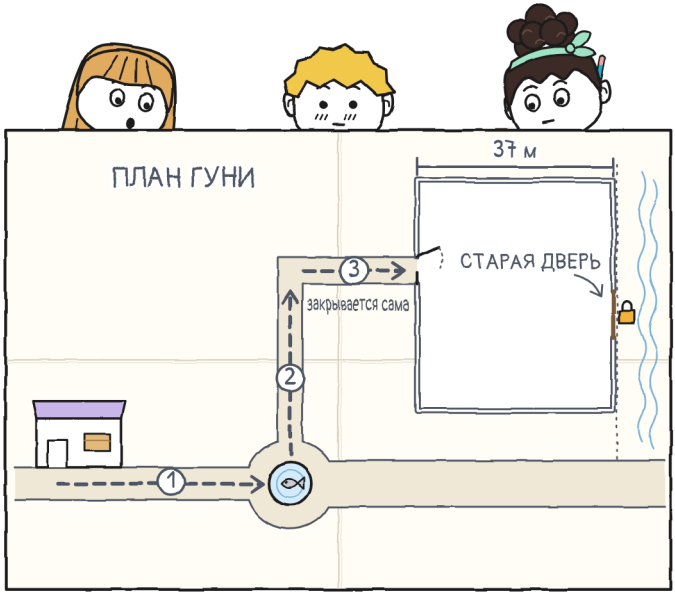
Я достал план из тетради и развернул его на сложенном театрике, который стоял на земле и служил столом. Сгибы разделяли его на четыре части крестом, как окно.

— Во вторник? — сказала Юля.

— Во вторник. Я приберёг это, чтобы потом оказаться правым.

Три головы наклонились над бумагой. Ограда: тридцать семь метров. Калитка, с одного края, со своим «закрывается сама». А с противоположного — двустворчатая дверь с замком, нарисованным анфас, чтобы было хорошо видно: СТАРАЯ ДВЕРЬ.

Какое-то время никто ничего не говорил. Я измерил: долго. За оградой слышались шахматы: фигура о доску, время от времени, как часы, которым некуда спешить.



— Ладно, — сказала Ноа. И перерисовала дверь на свою карту.

Она перерисовала её бирюзовым карандашом, аккуратно, отсчитывая кончиком клеточки моего плана, чтобы поставить её на место. Больше ничего не спросила. Для Ноа дверь, которая существует, — это дверь, которую записывают.

Юля не сказала «ладно». Она переступала с ноги на ногу. Красный ботинок ходил по двору туда и обратно, тук, тук, тук, в ритме, который я знаю: так бывает с тем, что сразу не говорят.

— Вчера это бы нам очень пригодилось.

— Да.

Вчера, с планом в тетради, я измерил четыре метра от моей ноги до фонтана, пока Ноа стояла внутри театра.

Во дворе нет угла. Я его и не искал. Я остался стоять, где стоял, с развёрнутым планом и обеими руками на нём, чтобы его не унёс ветер.

Я не сказала «ладно», потому что это ещё не было правдой. —Ю.

Мы пошли посмотреть на неё все трое, с Иреной. Вышли через калитку, которая закрылась за нами со своим щелчком, и обошли ограду. Ноа сосчитала её тихо, губами: шестьдесят четыре шага. У меня она уже была: тридцать семь метров. Я перемножил в уме, шестьдесят четыре на пятьдесят восемь, и получилось тридцать семь с небольшим. Выходило одно и то же.

Ноа посмотрела на меня, когда я это сказал. Ничего не сказала, но записала «37 м» рядом со своими шагами, а я записал «64 шага» рядом со своими метрами.

Переулок у канала узкий и пахнет стоячей водой. В глубине видны перила, а за ними канал, который проходит мимо, не глядя. Старая дверь деревянная, двустворчатая, широкая, как кровать великана. Ноа измерила её из края в край: три шага. Я измерил: метр семьдесят пять. Почти две калитки. Дерево

серое от стольких дождей. В замке больше ржавчины, чем замка.

Юля потрогала его пальцем, одним кончиком, как трогают то, что может укусить.

— Она закрыта уже много лет, — сказала Ирена. — Я всегда видела её такой.

Ирена стала искать в журнале центра, который носит в папке, лист за листом, перелистывая послюнённым большим пальцем, пока не дошла до жёлтого листа.

— Вот. Когда этой дверью пользовались, во двор входили двумя путями: через калитку или здесь. Его называли «двор с двумя дверями». А из всех групп во дворе репетирует только театр.

На листе был старый план, чернилами: двор с двумя дверями и надпись: ДВОР С ДВУМЯ ДВЕРЯМИ. Он был похож на мой. Старше и хуже измерен, но похож. Я пересчитал двери: две. На моём — тоже две. Впервые чужой план подтверждал мою правоту, и нарисовал его кто-то задолго до того, как я узнал, где находится этот район.

— Тогда этикетка не загадка, — сказала Ноа.

— Это адрес, — сказал я.

«Мастерская во дворе. Вход через две двери.» Она была написана правильно. Просто старая.

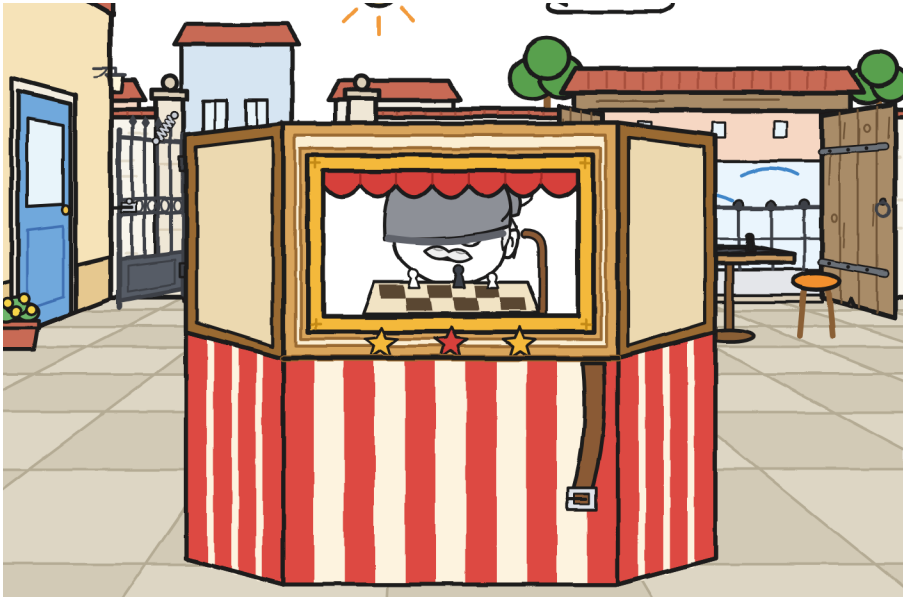
Мара потом сказала, что видела этот замок девять раз. Она думала, что закрытая дверь уже не считается. —Ю.

Ключ лежал в папке, в конверте: «Старая дверь. Не терять». Ирена достала его двумя пальцами, посмотрела на него так, как смотрят на того, кого давно не видели, и открыла замок. Это далось с трудом. Сначала он не поворачивался, потом повернулся рывком. Дверь заскрипела, как корабельная.

Во дворе шахматисты вынесли столы на солнце. Никто не поднял головы. Дверь, закрытая годами, открывается рядом с ними со скрипом корабля, а шахматисты не поднимают головы: это тоже способ играть.

Ирена раскрыла театрик посередине, чтобы увидеть, сколько места он оставляет между двумя дверями. Раскрыла вдвоём с Ноа, обе держались за рейки. Клац, клац, клац. Оставлял с запасом.

В окне театрика был виден дон Антонио, с беретом, надвинутым на глаза, и тростью между колен, перед шахматной доской. Он обдумывал ход. И немного похрапывал. Я оставил его в рамке на какое-то время, глядя на него, и не хотел двигаться, чтобы не изменить картину.



— В субботу я открою обе, — сказала Ирена. — Велосипеды входят через старую, из переулка у канала. Грузы пешком — через калитку, с тротуара. Так они не пересекутся.

— Но старая шире, — сказала Юля. — И сама не закрывается.

— А калитка — ваша. Если мастерская понесёт театрик на какую-нибудь площадь, там будут двери и похуже.

Юля открыла рот. Какое-то время он был открыт, с готовой фразой, и она её не сказала. Посмотрела на Ноа. Посмотрела на меня.

— А ты что скажешь?

Это было в первый раз за всю неделю. Я записал это с датой: «Четверг, 29-е. А ты что скажешь?». Записал до того, как ответил, чтобы не забыть вопрос, пока обдумываю ответ.

Я сказал: калитка, но отрепетированная. Ноа сказала то же самое. Юля сказала «ладно», и на этот раз это было правдой наполовину. На половину больше, чем раньше.

Потом мы починили тройкомер. Положили его на сложенный театрик, который уже был нашим вечным столом, хотя был им всего два дня. В нём было три клетки, и ни одна не годилась ни для вчерашнего, ни для моего.

Новую клетку мы нарисовали втроём. Я сделал рамку, карандашом. Юля написала название, зелёным. Ноа нарисовала рисуночек, бирюзовым: рот с чёрточками, как те, что исходят от радио.

- СООБЩАТЬ: говорить то, что знаешь.

В строке среды, в новой клетке, Юля написала: «никто». В строке вторника написал я: «Гуни — нет». Я писал медленно и своим обычным почерком, не крупнее и не мельче, и не стёр.

В тройкомере четыре клетки. Я не жалуюсь. Четвёртая даётся мне тяжелее всех. —Ю.

Мы вернулись мимо фонтана. Вечерело, и вода стала цвета тетради. Я остановился перед рыбой, с её хромой стороны. У

неё не было плавника так же, как в среду, но теперь я уже умел на это смотреть.

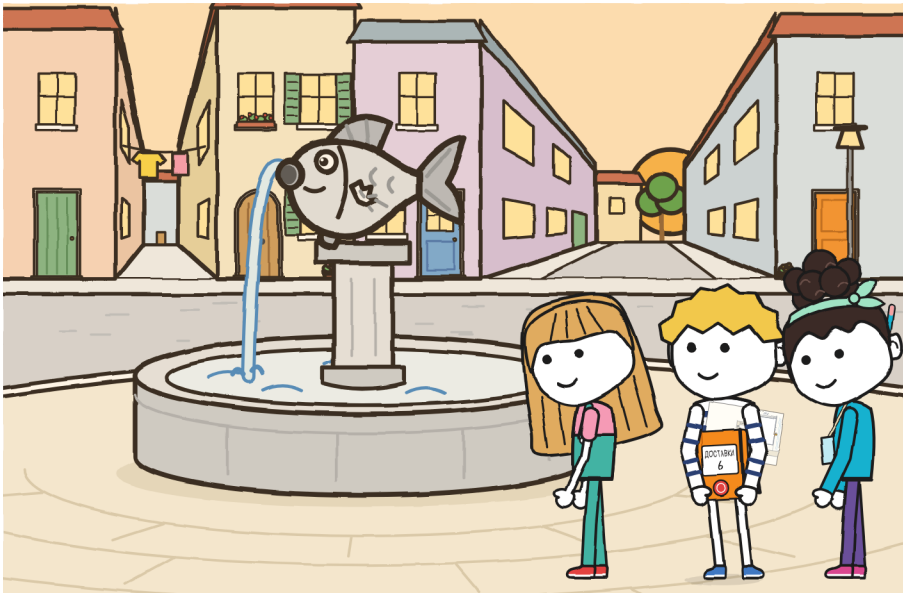
— Расскажете мне историю?

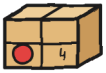
Юля и Ноа переглянулись. Не засмеялись. Из них выглянул уголок того смеха, что был в среду, и они спрятали его, каждая себе.

— Она длинная, — сказала Юля.

— В субботу, — сказала Ноа. — Если дойдём.

Это был не отказ. Я спрятал план в тетрадь, на этот раз не складывая, так что половина плана торчала наружу.





ГЛАВА 4

Может ли направлять кто угодно?

В пятницу Тоньо пришёл в магазин с часами, карандашом и заявкой «МОЛНИИ», прищемлённой прищепкой к дощечке. Он положил её на прилавок, чтобы мы увидели, как кладут трофей, который ещё не выигран.

РАЙОННЫЕ СОСТЯЗАНИЯ · СУББОТА 31. Команда: МОЛНИЯ. Ниже три пронумерованных имени: Зоя, Тоньо, Бруно. Всё одним острым почерком, который не был почерком Тоньо. Ни одно имя не зачёркнуто.

— Заполнила Зоя, — сказал он. — Бруно диктовал: «Бруно, с большой».

— А Зоя?

— Написала Бруно. С большой.

Я проверил. Заглавная была на месте, очень твёрдая, из тех, что пишут, когда кто-то следит за твоим карандашом.

Потом он сел на свой ящик, тот самый, «пока что», и обнулил часы щелчком, который услышали во всём магазине.

— Сегодня я засекаю. Не высказываюсь. Записываю, что повторять.

Тоньо из «МОЛНИИ» и из магазина, и в тот вечер он, казалось, придумал, как быть и тем и другим одновременно: на дощечке — заявка его команды; на запястье — наше время.

Идей было три, по одной на голову. Идея Ноа: меняться. Три участка, и на каждом направляет другой. Моя: пусть направляет и расчищает путь один человек, тот, кто идёт свободным, потому что двое других видят только театрик; я это знаю, потому что в среду был одним из них и видел, главным образом, расписную ткань. Идея Юли: начинать уже.

Я сказал, что сначала надо посмотреть весь путь, на плане.

— Посмотрим на ходу, — сказала Юля.

Выиграла она. На ходу путь смотрится очень быстро.

— Кто направляет первый участок? — спросила Ноа.

Мы трое показали одновременно. Во вторник мы уже так делали, и каждый показал на своё место: калитку, зал, улицу. На этот раз никто не показал на место. Я показал на Ноа, Ноа показала на Юлю, а Юля показала на меня. Три руки по кругу, как спицы колеса, которое не собирается вращаться, а

посередине, на полу, сложенный театрик. Никто не показал на себя.

Тоньо записал это, не поднимая глаз. Ирена ждала у двери, с папкой, прижатой к груди, тоже не высказываясь. В тот вечер в магазине было двое тех, кто не высказывался, и третья, Мара, которая вслух не высказывается никогда, так что план мы получили, обойдя круг:

1. Магазин → фонтан: направляет Юля.
2. Фонтан → угол: направляет Гуни.
3. Угол → двор: направляет Ноа.

Перед тем как поднять театрик, Юля сказала:

— Одно.

Она этого не объявляла. Она встала передо мной; не перед театриком, не перед Ноа, не перед дверью: передо мной, с руками, прижатыми к бокам, как будто она связала их, чтобы они не убежали.

— В среду я дала указание, которое понимала только Ноа, а потом сказала, что ты заблудился.

Больше она ничего не сказала. Не нужно было: там было всё. Что произошло, кто это сделал и с кем. Мне для того же понадобилась бы страница и внизу примечание со звёздочкой.

Я посмотрел на её ноги. Ноги Юли созданы для того, чтобы уходить; когда она говорит, одна из них уже идёт куда-то ещё. На этот раз обе стояли на месте, вместе, вросшие в плитки, как будто их поставили на ручник. Позади меня Ноа, уже взявшись за ручку, смотрела в пол с огромным интересом, чтобы не мешать. Карандаш Тоньо застыл в сантиметре от листа.

— Ладно, — сказал я.

Я научился этому у Ноа, в четверг. Вышло целиком.

А поскольку я не умею ничего принять, не задав вопроса, я задал один:

— С какой стороны у рыбы нет плавника?

— С левой, если подходить, — ответила Юля, не раздумывая, как тот, кто выучил ответ. — У фонтана — поворот налево. Я предупрежу за пять шагов.

— Вот это указание.

В ней были сторона, место и предупреждение. Я переписал её в тетрадь слово в слово, с её «если подходить» — как раз тем, чего не хватило в среду.

Обе ноги на месте. Проверь на рисунке. —Ю.

Первый участок. Ноа застегнула ремень на вторую дырку. Я сказал, что на третьей он держит надёжнее.

— На третьей он долго расстёгивается, — сказала Ноа. — А когда придём, будет спешка.

Я сказал это один раз, вслух, и проиграл. Ручки весили столько же.

Мы вышли. Ирена, последняя, в десяти шагах, с папкой; Тоньо, по мостовой, с велосипедом в руке и глазами на запястье. Юля шла на три шага впереди и при входе на площадь подняла руку влево.

— Пять шагов... Поворот налево!

— Ремень! — сказала Ноа. И придержала его.

Мы обошли хромую рыбу, как будто делали это всегда. С моей стороны у рыбы по-прежнему были все плавники; я уже научился ей не верить. Ни одного клац.

— Первый участок: шесть минут, — сказал Тоньо. — Повторять: нечего.

У фонтана мы поменялись. Юля и Ноа — к ручкам; я — свободным. Это был первый раз в моей жизни, когда я направлял что-то, кроме карандаша.

Я подготовился. Накануне вечером, под лампой, я измерил на плане узкую улицу: два бордюра, выступающий подъезд, люк, который пляшет, и пешеходный переход. Короткий путь, их, идёт по диагонали там, где нет полос. Мой спускается с бордюра, переходит по полосам и снова поднимается: девять лишних шагов и два «стоп», которых у другого нет. Я всё пронумеровал. Но в плане нет дам.

Я направляю так:

— Три шага. Стоп. Бордюр. Вверх. Два шага. Стоп. Дама.

Дама шла навстречу с тележкой для покупок.

— Добрый вечер.

Она ответила на приветствие. Я руку не опустил.

— Дама проходит. Четыре шага.

Я шёл боком, как крабы и регулировщики, с поднятой рукой. Поднятая рука — единственное, что есть у регулировщика, и автобусы его слушаются. «Стоп» я слышал от Ирены в среду: она не говорит, куда идти, она говорит «стоп», когда встречается бордюр. Тогда мне это показалось мало. С места того, кто направляет, это кажется огромным: это единственное слово, которое останавливает сразу двоих, театр и, если нужно, даму.

— Стоп. Люк. Наступаем на край, не на середину. Два шага.

Юля шла впереди, со своей ручкой, не говоря ни слова. Для Юли это новость. Её нога сама тянулась к короткому пути: выходила по диагонали, как рука выходит к звонку знакомого дома, на мгновение зависала в воздухе и возвращалась на мою линию. Юля возвращала её на мой путь. Я видел, как она делала это четыре раза. На четвёртый она сжала губы и не разжимала их до самого угла.

Ноа, сзади, шевелила губами. Я думал, что она считает шаги, как всегда. На мостовой Тоньо смотрел на часы, потом на меня, потом на часы, как тот, кто сравнивает две вещи, которые не сходятся.

— Стоп. Угол.

Пришли. Никому не пришлось пятиться.

— Второй участок: одиннадцать минут, — сказал Тоньо. — Самый медленный из всех, что я засекал. Повторять: нечего.

Одиннадцать минут — это много минут. Мне было всё равно. Минуты записал Тоньо; остальное записал я, мелко, чтобы не стёрлось: я впервые чем-то руководил, и ничего не пришлось повторять.

— Ты сказал «стоп» четырнадцать раз, — сказала Юля.

— Я считала, — сказала Ноа. — Пятнадцать.

Значит, считала она не шаги.

— Шесть было лишних, — сказала Юля. — Но я выполнила все.

— Лишних не было, — сказал я.

— Шесть.

Тоньо не записал, кто прав. Он записал число: «“стоп”: 15 (считает Ноа)». Юля открыла фломастер и нарисовала рядом, зелёным, улитку в шлеме «МОЛНИИ». Тоньо посмотрел на

неё какое-то время. Не стёр. В листе Тоньо ничего не стирают.

Я не спорила ни об одном. Зубы болели от того, что я их стискивала. —Ю.

Третий участок, от угла до двора. Несли мы с Юлей; направляла Ноа, с картой состязаний, которую Ирена раздала всем командам.

Через двадцать шагов она остановилась там, где начинается переулок у канала.

— Не выходит.

— Что не выходит?

— Карта ведёт нас сюда. К старой двери. А мы входим через калитку, она с другой стороны.

Юля начала поворачиваться к ней, чтобы посмотреть, а весь театрик шёл за её поворотом, и за ремень никто не держался.

— На землю, — сказал я.

— Посмотрим секунду и дальше.

— Сначала ставят. Потом спорят.

Юля посмотрела на ремень, посмотрела на меня и опустила свою сторону. Я опустил свою. Театрик остался на тротуаре, плоский и послушный, — так ему лучше всего.

Я положил свой план рядом с её картой, на театрик, который снова служил нам столом. С четверга я ношу его нескладным, и это заметно: он занимает полтетради и торчит сверху, как язык. На карте состязаний была нарисована только одна дверь, с красной стрелкой, и это была не калитка: это была старая дверь. Та, с замком. Та, которую во вторник я нашёл один и промолчал два дня.

— Это старая карта, — сказал я. — С тех времён, когда входили там.

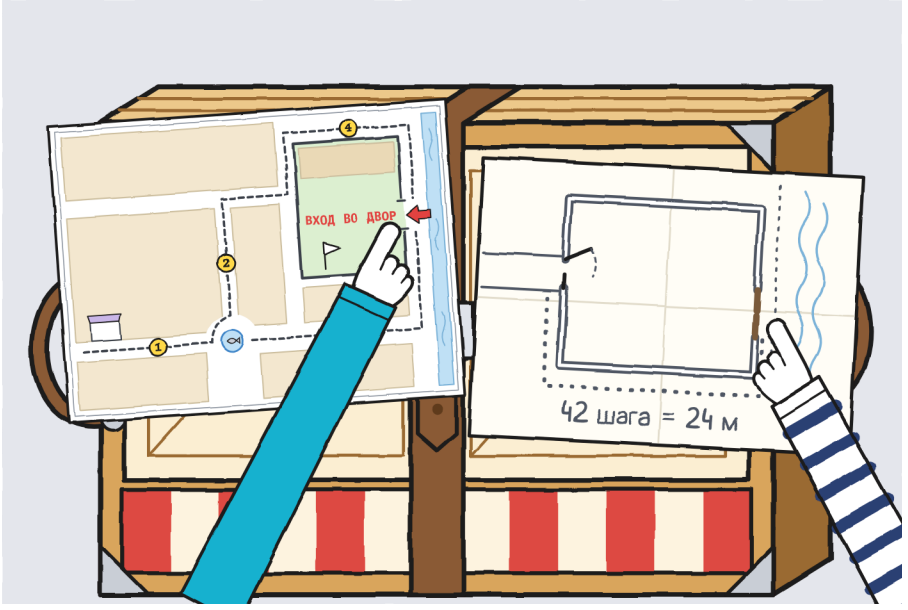
Ноа положила палец на свою, а я — на мою. То же место, на двух листах.

Оттуда до калитки было сорок два шага Ноа. Или двадцать четыре моих метра. С её шагом и моей рулеткой можно измерить весь район.

— Скажем Ирене? — спросила Юля.

Ирена стояла в десяти шагах, с папкой. Она всё слышала, я уверен, и ждала, когда мы ей скажем, как ждут, пока человек закончит фразу.

— И другим командам, — сказала Ноа. — Иначе все пешие полезут в переулок. С велосипедами.



Я представил переулок в субботу: пять команд, у каждой свой груз, и три велосипеда «МОЛНИИ», звонящие перед одной дверью.

Я ничего не сказал. Я был согласен. Согласие чёрточки не оставляет.

Ирена села на скамейку во дворе со всеми картами на коленях и исправила их одну за другой красным фломастером: зачёркивала старую стрелку и рисовала две, одну — с велосипедом у старой двери, другую — со свёртком у калитки. Тоньо сравнил свою с моим планом, линия за линией.

— «МОЛНИЯ» собиралась входить там, где написано на карте.

— Вы входите там, — сказала Ирена. — Для велосипедов карта была верной. Случайно.

Тоньо остался смотреть на свою карту с лицом того, кто узнаёт, что был прав, не сделав для этого ничего, а в «МОЛНИИ» это не засчитывается.

Мы вернулись на угол и повторили третий участок, теперь до калитки. Мы с Юлей несли, а Ноа направляла, расчищала путь и сообщала, всё сразу:

— Стоп! Держу створку! Проходите!

Мы прошли. Я заполнил тройкомер. В строке «угол → двор» я написал: Гуни и Юля, Ноа, Ноа, а в четвёртой клетке — «Ноа: “на карте ошибка”». Каждое имя своим цветом: карандаш, зелёный и бирюзовый.

Это была первая строка со всеми заполненными клетками. Клетку «сообщать» мы придумали в четверг из-за меня, а опробовала её Ноа. Я написал её имя самым чётким почерком, какой у меня есть.

Она придержала её спиной, как ты во вторник. Записываю я. —Ю.

Тоньо показал нам свой лист. Вверху большими буквами было написано ЧТО ПРИШЛОСЬ ПОВТОРЯТЬ:

- Среда: поворот у фонтана, 3 раза.
- Пятница, участок 1: ничего.
- Участок 2: ничего (медленно).
- Участок 3: вход. Виновата не команда: виновата карта.

А внизу, дважды подчёркнуто: «Чаще всего повторяют не шаги. А указания.»

— Это последнее — мнение, — сказала Юля.

— Это факт, — сказал Тоньо. — В «МОЛНИИ» неверно сказанный адрес оплачивается дважды: туда и обратно.

Он надел шлем и уехал репетировать своё. На первом углу — динь.

Вечером в магазине Мара убрала театрик в коробку, и коробка снова стала коробкой как все. Прежде чем крышка опустилась, Ноа посмотрела на пряжку.

— Завтра на третью дырку. Пусть даже дольше расстёгивается.

Она сказала это, глядя на пряжку, а не на меня. Это было то, что я сказал перед выходом. Я не записал это в выигранные: она решила сама, в своё время, а это идёт в другую колонку.

Я открыл тетрадь на уголке с чёрточками: четыре от РЕШЕНО БЕЗ МЕНЯ и, под ними, моя. Сегодня я не сделал ни одной. Я перебрал день с карандашом в воздухе, как перебирают счёт, прежде чем признать его верным. Я насчитал четыре разногласия. Все четыре я сказал вслух. Один выиграл.

Пятница. Разногласий: 4. Сказано: 4. Выиграно: 1.

На своей полке коробка № 6 по-прежнему стояла с девятью печатями. Девять. Ни одной больше.

Выиграл ты тот, где театрик ставят на землю, прежде чем спорить. Этот я тебе дарю. —Ю.

ГЛАВА 5

Важно ли прийти первыми?

В субботу я надел оранжевую субботнюю футболку. Это не суеверие: по субботам что-то случается, и я предпочитаю одеваться одинаково, чтобы их можно было сравнивать.

— Под цвет тетради, — сказала Юля.

Я приложил тетрадь к футболке, чтобы проверить. Она была права, с разницей в один тон.

В одиннадцать обе двери во дворе были открыты впервые за много лет, и люди заходили через обе: велосипеды — через старую, из переулка у канала; пешие — через калитку, с тротуара. Старая дверь, распахнутая настежь, казалась удивлённее всех. От ограды до ограды висели флажки, а на столе стоял плакат с надписью ФИНИШ. Флора сидела в первом ряду со своим термосом, как человек, пришедший посмотреть на парад и собирающийся остаться до фейерверка. Обувщица стояла со скрещёнными руками. Вера держала Крошку на руках; Крошка поворачивала голову к

каждой движущейся вещи, а в то утро двигались все. На самом верху ограды сидела сорока. Её никто не приглашал.

Ирена встала на скамейку и свистнула в свисток. Наступила тишина школьного двора, то есть тишина, под которой много шума.

— Каждая команда несёт свой груз сюда, проходя через все пункты. С грузом не бегают. Кто побежит, повторяет участок. А выигрывает время тот, кто не повторяет.

Я записал это слово в слово. Впервые правило игры показалось мне написанным для меня.

В списке было пять команд, он был приколот кнопками к пробковой доске:

1. МОЛНИЯ (Зоя, Тоньо, Бруно)
2. ХОР
3. ШАХ
4. ИГОЛКИ
5. НОА + 2

«МОЛНИЯ» несла конверт, на велосипеде. Хор — пюпитр. Шахматисты — гигантскую доску. Швеи — манекен без головы. Нашу команду записала Ноа в понедельник, ещё до знакомства со мной.

— Мы — «Ноа + 2», — сказал я Юле.

— Я двойка, — сказала она. — А ты будешь плюс.

Я посмотрел на плюсик между именем и цифрой. Раньше это был просто знак. Я записал его как должность.

Каждая команда выходила от двери, где ночевал её груз. Нам старт дал дон Антонио, который живёт неподалёку и не бегает.

У дверей магазина Мара достала театрик из коробки, и театрик вырос до своего уличного размера. Ноа быстро застегнула ремень, и мы подняли.

Клац. Одна панель раскрылась на ладонь, как рот, который что-то вспомнил.

— На землю, — сказал я.

Никто не спорил. Мы опустили его втроём одновременно, медленно, как будто внутри лежало яйцо. Во второй раз Ноа застегнула ремень не спеша, на третью дырку, и дважды дёрнула, проверяя. Я посмотрел на пряжку, потом на улицу. И то и другое было в порядке.

Дон Антонио снял берет и резко опустил его: он служил флажком.

— Не спеша, — сказал он, — так и приходят.

Мара замыкала шествие, с пустой коробкой под мышкой. Без ничего внутри она казалась больше.

Первый участок. Направляла Юля.

— Пять шагов... Поворот налево!

— Ремень!

Мы медленно поворачивали вокруг хромой рыбы, занимая весь угол, когда подъехала Зоя на велосипеде. Она шла первой из всех. Она затормозила и поставила ногу на землю.

— Проходите вы. С этим не бегают.

Она ждала, пока мы не вышли из поворота. Потом уехала. Мы опережали её двадцать секунд. Она сама это засекла.

Она затормозила резко. Коса — чуть позже. —Ю.

На каждом пункте ставили печать на карточку. Пункт с пекарней вела Элия, которая ставила печать большим пальцем, перепачканным мукой, и давила так, будто карточка — тесто, а ему надо дать отдохнуть. На нашей она оставила три белых отпечатка, по одному на голову, хотя мы пришли, когда мука на карточке «МОЛНИИ» уже высохла.

«МОЛНИЯ» обогнала нас три раза, каждый раз по другой улице. Из-за театрика она казалась часами с кукушкой: выскакивала, куковала и пряталась. Тоньо держал обе руки на руле и звонил на углах. Бруно вёз конверт. Зоя ехала впереди и ждала их на каждом пункте, не прикасаясь к карточке, пока не соберутся все трое. Когда они проехали во второй раз, Тоньо не посмотрел на часы: он посмотрел на нас. Это было самое близкое к мнению, что я видел у него за весь день.

На втором участке несли Юля и Ноа, а направлял я. Нас обогнал хор со своим пюпитром. Бегом. Прозвучал свисток Ирены, которая была везде одновременно, и хор вернулся к фонтану, тихонько напевая: так поют, когда надо повторить участок.

Нас обогнали шахматисты, с доской на ребре и фигурами в мешке, который гремел, как град. Нас обогнал даже манекен, горизонтально, на руках у трёх швей, которые шли на цыпочках, будто манекен спал. Когда тебя обгоняет манекен без головы, это опыт, который я не умею измерить, и я пытался.

Юля не бежала. Точнее: у неё чуть не побежала нога. Она вернула её.

— Важно ли прийти первыми? — спросила она.

— На этикетке не написано «первыми», — сказала Ноа. — Написано «сложенным».

— Бордюр, — сказал я.

Мы подняли его на тротуар.

Хор повторил участок с пением. На обратном пути пел лучше. —Ю.

Третий участок. Направляла Ноа до калитки. Там мы поставили театрик на землю.

— Кто открывает? — спросила Юля. И ждала ответа.

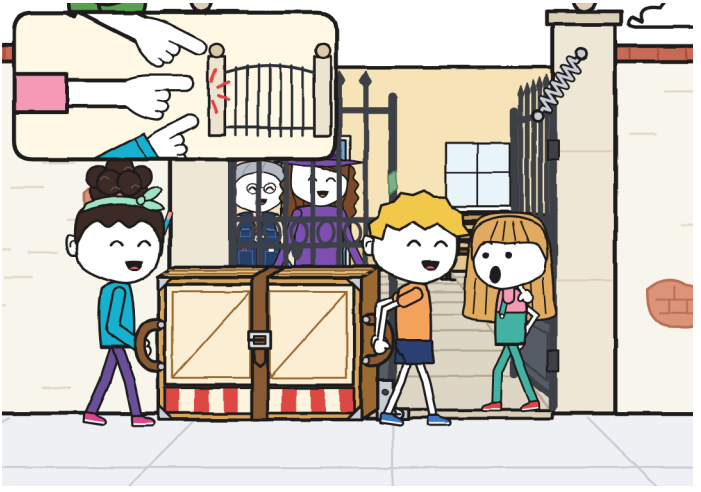
Мы трое показали одновременно. Это было в третий раз за неделю. Во вторник каждый показал на своё место. В пятницу каждый — на другого человека. На этот раз все трое — в одно место: Ноа показала на калитку, Юля показала на калитку, и я показал на калитку. Потом мы засмеялись, потому что так не решишь, кто. Три руки, указывающие на дверь, — это очень твёрдое мнение о двери и никакого о нас.

— Ты, — сказали мы с Ноа.

Ноа перешла к своей ручке. Юля придержала створку спиной и обеими руками, крепко упёршись ногами, и на этот раз ни одна у неё не убежала.

— Стоп! Держу створку! Проходите!

Мы прошли. Сложенный. Целый.



— Сорок одна минута, — сказала Ирена.

«МОЛНИЯ» уложилась в четырнадцать. Все трое сидели на земле, рядом с велосипедами, и даже не вспотели. Зоя поприветствовала меня двумя пальцами; Бруно — всей рукой.

Подошла Мара с коробкой под мышкой. Ирена посмотрела на театрик на земле своего двора: сложенный, с ремнём на месте. Она смотрела на него долго, сверху донизу, как смотрят на того, кто вернулся из долгого путешествия, чтобы убедиться, что он приехал целым. Она раскрыла папку и показала Маре страницу журнала: «Театральная мастерская. Руководитель: Ирена». Мара прочитала её, как читает она, пальцем: сначала строку, потом печать. Юля протянула ей зелёный фломастер, тот, который не стирается.

— Мне подходит, — сказала Ирена. И расписалась на этикетке.

На этикетке появилось слово ДОСТАВЛЕНО. Никто его не писал. Вокруг по-прежнему стояли девять печатей ВОЗВРАЩЕНО, по одной на каждую ходку Мары, а посередине теперь была зелёная подпись, которая никуда не собиралась уходить.

Ирена открыла инвентарную книгу центра, чтобы записать театрик. Не понадобилось: у него уже была своя страница. Вверху стояло СКЛАДНОЙ ТЕАТРИК · ожидает получения, а

ниже, в графе ИСПЫТАНИЯ, была старая, кривая строчка, очень плохим почерком:

«Проверен во дворе. Сложенный проходит в обе двери. Раскрытый — нет. —R.»

Мы втроём наклонились прочитать её так низко, что наши головы отбросили на неё тень.

— Это ещё до того, как я стала вести мастерскую, — сказала Ирена. — Я не знаю, кто это.

— Мы тоже, — сказала Юля. — Но мы узнаём всё больше.

Значит, театрик испытали в этом дворе до отправки: это работа R. На этот раз измерены обе двери: калитка и старая. Всё, что было известно R., уместилось в одну строчку. Нам это обошлось в неделю.

Дверь Элии. Две двери во двор. Измеряет двери. Приберегаю для карточки. —Ю.

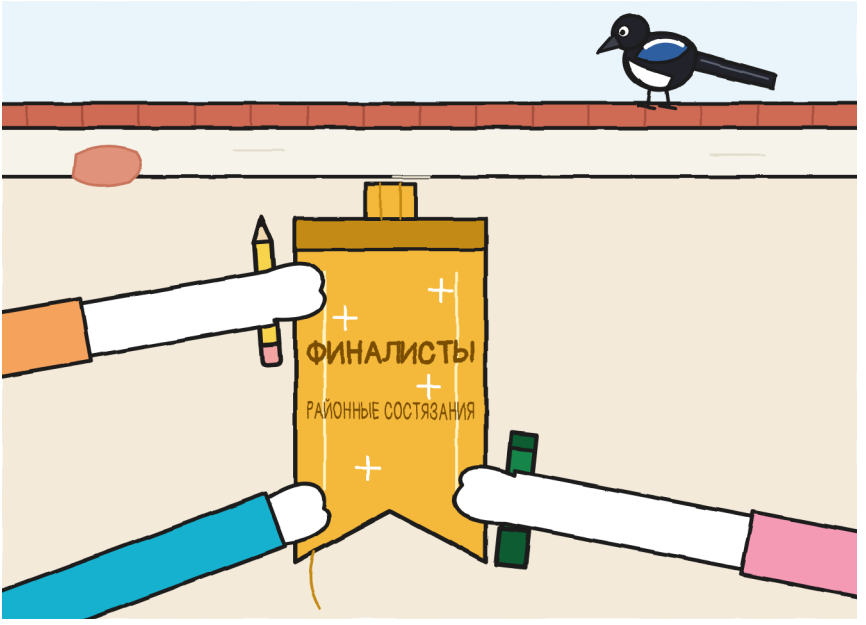
Выиграла «МОЛНИЯ», не повторив ни одного участка. Призом был каравай от Элии с мучной единицей. Зоя разломила его на три куска. Кусок Бруно был такой же большой, как её; я измерил на глаз, а мой глаз, когда дело касается кусков, не ошибается.

Командам, которые дошли с целым грузом, Ирена дала ленту. Нашу я рассмотрел вблизи, потому что мы держали её

втроём: одна рука с карандашом, одна с зелёным фломастером и одна — в бирюзовом рукаве. Она была из золотого атласа, с бликами, которые меняли место, когда рядом дышали, с коротким узлом сверху и краем, из которого уже вылезала нитка. На ней было написано, буквами, различимыми издалека: ФИНАЛИСТЫ · РАЙОННЫЕ СОСТЯЗАНИЯ.

На ограде сорока склонила голову набок. Так делаю я перед планом, которого не понимаю.

— Финалист — это тот, кто приходит последним, — сказала Юля.



— Это тот, кто доходит до финала, — сказала Ноа.

— Мы дошли до финала последними, — сказал я. — Подходит и то, и другое.

— Раз он здесь, — сказала Ирена, — надо устроить ему премьеру.

Его раскрыли Мара и Ирена, держась за рейки. Клац, клац, клац. Впервые за всю неделю я слышал, как он раскрывается нарочно, и звук был тот же: видимо, театрику всё равно.

Мы — сзади. На придумывание спектакля у нас было две минуты. Ноа раздала роли. Сначала спросила:

— Кто хочет мало говорить?

Я поднял руку. Это была самая быстрая рука на всех состязаниях.

Крошка вырвалась из рук Веры, пролетела метр и села на панель, очень прямая, свесив хвост как раз перед окном. За эту неделю в этой рамке видели Тоньо с набитым ртом, Ноа посреди улицы и дона Антонио, спящего перед доской. Теперь — хвост Крошки. У рамки безошибочный глаз на то, чего не полагается. Это был спектакль, а он ещё не начался.

Вера подобрала её, вытянув руки, и Крошка дала себя взять, с лицом «это не я», которое она переняла у меня в первый день.

Спектакль назывался «Посылка, которая не хотела входить». Юля играла Мару, с бумажным колпаком вместо

шляпы. Ноа играла все двери, и у неё каждая получалась другой, стоило лишь сменить ногу. Я играл посылку, выглядывая из окна.

— Мастерская? — говорила Ноа. — Здесь шитьё.

— ВОЗВРАЩЕНО, — говорил я.

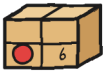
— Мастерская? Здесь хор.

— ВОЗВРАЩЕНО.

Я сказал это девять раз. Зрители считали, а хор, который затем и пришёл, считал, подпевая в тон. На десятый раз Ноа раскинула руки, и я сказал другое слово.

На поклон мы все трое выглянули в окно. Мы помещались. Тесно. Моё левое ухо принадлежало Юле, а правое — пучку Ноа. Внизу Мара, в настоящей шляпе, аплодировала двумя пальцами.

Не делят на куски. Теснятся. —Ю.



ГЛАВА 6

Что остаётся, когда испытание закончилось?

Во второй половине дня мы вернулись в магазин с этикеткой. Ноа пришла тоже. Она остановилась у двери, с блокнотом на шнурке, и пальцем и губами, без голоса, считала посылки на полке.

Юля посмотрела на плакат. Потом на Мару.

— Можно?

— Это твой плакат.

Она залезла на синий табурет, зачеркнула 15 и написала, крупно, 14. Мара вклеила этикетку в свою книгу, к остальным пяти, и дважды провела рукой, как разглаживают простыню.

У двери Ноа закончила считать.

— Четырнадцать, — сказала она, никому.

— Четырнадцать, — сказала Юля с табурета, с фломастером, всё ещё без колпачка.

Тоньо принёс таблицу результатов, с печатью соседского центра, чтобы я переписал её в тетрадь: «МОЛНИЯ», четырнадцать минут; ШАХ, двадцать девять; ИГОЛКИ, тридцать три; ХОР, тридцать восемь, с одним повторённым участком; НОА + 2, сорок одна. Я посмотрел дважды. «Бруно» был цел, не зачёркнут и без ничего сверху. Нашу команду исправила Ноа своим бирюзовым карандашом, не дожидаясь просьбы: зачеркнула «+ 2» и надписала сверху НОА, ЮЛЯ И ГУНИ.

— В понедельник я не знала, как вас зовут, — сказала она. — Ну. Как звали Гуни.

Я достал карточку R. На ней было одиннадцать зацепок. Я добавил одну: «12. Театрик испытан во дворе центра до отправки. Это записано в инвентарной книге.» Тоньо прочитал её. Прочитал и своё, ниже, НЕЗАКРЫТО: мне задолжали объяснение, и провёл пальцем под строкой, не касаясь чернил. Ничего не зачеркнул.

— Театрик проверили, — сказал он. — А мой звонок не проверяли.

— Этого мы не знаем, — сказала Юля.

— Про мой звонок нет ни одной строчки ни в одной инвентарной книге, — сказал Тоньо. И это тоже была правда.

Потом я развернул план на прилавке. Точнее: он уже не был сложен. С четверга он путешествовал открытым в тетради, торча сверху, но на нём остались следы сгибов,

крестом, как окно, а они не уходят. План помнит, как с ним обращались.

Я придержал его рулеткой в одном углу и банкой с карандашами в другом.

— Не хватает твоей части, — сказал я Ноа. — Того, что отсюда за фонтаном. Тех улиц я знаю только в метрах.

Эту фразу я не репетировал. Я её обдумал, а это другое: во время спектакля, выглядывая из окна, между шестым ВОЗВРАЩЕНО и седьмым.

Ноа посмотрела на Юлю. Юля посмотрела на потолок: так она не вмешивается, и посмотрела с интересом, какого потолок магазина никогда не заслуживал.

— Можно рисовать на нём?

— Для этого я его и показываю.

Я придвинул план к ней обеими руками. Ноа достала карандаш из-за уха и какое-то время держала его в воздухе, не касаясь бумаги, как рука замирает перед тем, как постучать в чужую дверь. Потом опустила.

Впервые другой карандаш коснулся этой бумаги. Каждый раз, когда бирюзовый кончик опускался, я прижимал рулетку к её углу чуть сильнее, хотя план вовсе не собирался никуда уходить. Юля заметила и ничего не сказала, а для Юли это очень шумный способ заметить.

Ноа добавила свою улицу, центр изнутри, с залом, двором и коридором, который их соединяет, и расстояния, в шагах. Она пишет мелко и прямо, как будто каждая буква должна поместиться в одну плитку. Я ставил рядом метры. «От фонтана до моего подъезда: 80 шагов», — написала она, а я рядом: «46 м». Восемьдесят на пятьдесят восемь — сорок шесть метров сорок сантиметров. Я округлил вниз, из вежливости. На моём плане впервые было две единицы, и ни одна не ошибалась. Во дворе Ноа поставила бирюзовый крестик: «МЕСТО НОА: здесь считают шаги».

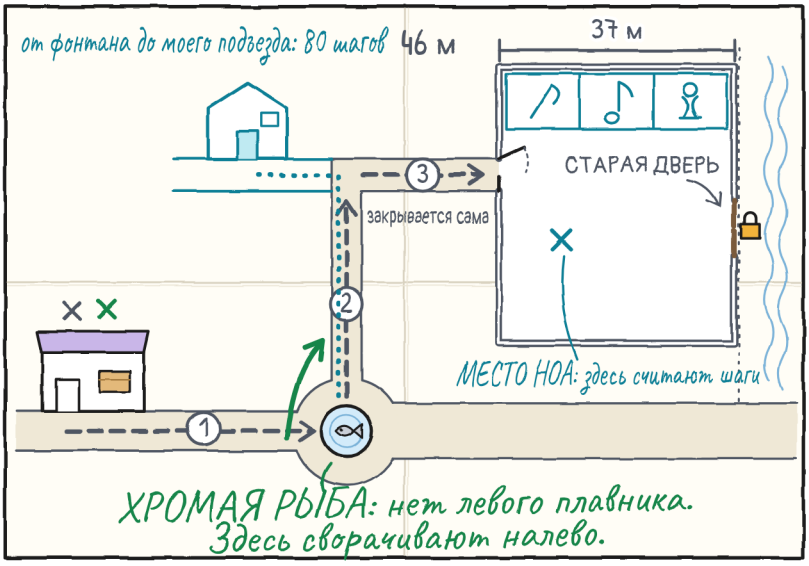
Юля не выдержала. Она открыла фломастер и написала у фонтана, зелёным и не спросив разрешения: «ХРОМАЯ РЫБА: нет левого плавника. Здесь сворачивают налево». В магазине мы поставили два крестика, один карандашом, другой зелёным, так близко, что они соприкасались.

Вверху план назывался ПЛАН ГУНИ. Под этим я написал новое название: ПЛАН РАЙОНА (ТРОИХ). Скобки — моя идея. Скобки — это то, что мне удаётся лучше всего.

И пока они рисовали, мне рассказали историю хромой рыбы. Рассказали обе сразу, каждая со своей стороны прилавка, а я переводил голову с одной на другую, как смотрят матч из-за сетки. Она длинная. Не такая хорошая, как говорят. Но теперь я её знаю.

Она замечательная. Просто мы рассказали её плохо: перебивали друг друга. —Ю.

ПЛАН РАЙОНА (ТРОИХ)



Юля носила ленту, привязанную к запястью, с самого полудня. С неё уже слетели три нитки. Я их сосчитал, потому что она тоже считала, вполголоса, каждый раз, когда одна цеплялась за карман комбинезона.

— Если оставлю себе, к понедельнику будет бахрома, — сказала она. — Сохраним её в тетради?

Мы приклеили её на первую страницу, под словом ОБЩАЯ и зелёными буквами, занимающими полстраницы, кусочком скотча на каждом конце. Ноа держала один край, Юля — другой, а я наклеивал оба кусочка, прямо. Узел оказался сверху, чуть выпуклый; блеск менялся с места на место

всякий раз, когда кто-то переворачивал соседнюю страницу. В уголке мы поставили три маленькие буквы: Г — карандашом, Ю — зелёным, Н — бирюзовым.

Я закрыл тетрадь, чтобы проверить. Закрывалась она хуже: узел давал бугор, и обложка немного приподнималась с одного угла, как у того, кто никак не уйдёт. Я записал на поле «дефект» и потом стёр.

Я нарисовал её с торчащими нитками. Если она распустится, то распустится: новее, чем она есть, я её рисовать не буду.

Через стекло витрины сорока с ограды смотрела на нас с фонаря. Она смотрела на ленту, а не на нас. Я это заметил, потому что на её месте смотрел бы на то же самое.

Моя тетрадь закрывается не так хорошо, как твоя. Поэтому. —Ю.

Ноа листала страницы назад. Сначала попросила разрешения, держа раскрытую ладонь над тетрадью, не касаясь, и я кивнул. Она листала медленно, по одной, не пропуская ни одной: тройкомер вторника, зелёная строка среды, последняя страница с куском ограды и половиной замка, новая клетка четверга. Дошла до уголка с чёрточками.

— А это?

Рука у неё была на нужном расстоянии, чтобы закрыть это. Я не шевельнулся.

— Счёт, который я вёл неправильно.

— А это? — Она прочитала вслух: — «Калитку может удержать и камень».

— Я подумал это во вторник.

Юля перестала качать ногой о табурет. Тоньо, из своего ящика, поднял глаза от часов, которые ничего не засекали.

— Камень не скажет «бордюр», — сказала Ноа. — И пятнадцать раз «стоп» тоже.

Она сказала это так, как говорит она, считая. Потом перелистнула страницу вперёд, снова к ленте, как тот, кто оставляет книгу там, где нашёл.

Я не стёр чёрточки. Карандаш можно стереть, но я не захотел. Под фразой я нарисовал маленький камень с облачком. Оставил его пустым.

Не стирай их. Они немного мои. —Ю.

В воскресенье на рассвете дежурила Ноа, которая живёт напротив центра. В девять она принесла в магазин записку. Шла, считая шаги: это было видно по губам. Записка была сложена втрое, на равные части; я проверил. На ней было написано бирюзовым, мелким прямым почерком:

- 7:38: театрик в мастерской, сложен.
- 7:44: светает. Не двигается.
- 7:50: на месте. Шагов он сделал: ноль. —Ноа

Она дежурит лучше меня, считает лучше меня и не печёт хлеб. Два из трёх. —Ю.

Мара подняла жалюзи наполовину, чтобы мы прошли, и я нарисовал полку: четырнадцать посылок и шесть пустых мест, подряд, с 1 по 6, как выпадающие по порядку зубы. Плакат трогать не пришлось.

— Шесть, — сказала Мара. И закрыла свою книгу.

Тоньо сидел на своём ящике, в шлеме, хотя было воскресенье. Ноа осталась стоять у двери. Ей никто не

говорил садиться или уходить. Она пришла, потому что захотела, а в понедельник у неё репетиция.

Чтобы закончить тетрадь, я нарисовал окно театрика, пустое.

Я нарисовал его с линейкой: рама, короткий занавес, собранный в сторону, дерево со своими прожилками. Внутри ничего. Это было первое окно за неделю, в которое никто не заглядывал случайно, и мне показалось справедливым оставить его таким на минуту, как оставляют приоткрытой дверь, когда слышат на лестнице чьи-то шаги.

Первым я нарисовал себя, карандашом, с краю, где я стою на фотографиях. Рисовать самого себя труднее всего: со стороны не измеришь. Я получился серьёзным и с хорошо уложенными волосами, не такими, какие у меня есть, а такими, какие я хотел бы иметь. Я не стал исправлять. Оставил побольше места.

Потом я оставил тетрадь раскрытой на прилавке, лицом к ним, с карандашом поперёк. Я не сказал зачем. Мара, сзади, не смотрела: стала выравнивать пузырьки с чернилами с вниманием, которого им не требовалось.

Ноа спросила разрешения, прежде чем рисовать в моей тетради. Юля — нет.

Юля нарисовала себя зелёным, с открытым ртом и больше двух других, потому что, как она сказала, в жизни она тоже занимает больше. Ноа измерила двумя пальцами оставшееся

место, как она измеряет маленькие вещи, и нарисовала себя внутри, бирюзовым. Пучок вышел за раму сверху. Она не исправила. Для Ноа рамы малы сверху, и она это знает.

В настоящем окне, в субботу, мы поместились, тесно. В бумажном, которое я нарисовал с запасом места, мы тоже сжались. Лишнее место никто не занял.

Под этим, карандашом, я написал одно слово:

помещаемся.

Общее есть общее. Это написано на первой странице.
–Ю.

Оставалась таблица, которой закрываются все мои тетради. На этот раз я сделал её участок за участком, как измерялась вся неделя.

ДОСТАВКА № 6. Участок за участком (кто нёс · кто направлял · что пришлось повторять):

- Магазин → фонтан с хромой рыбой: Гуни и Ноа · Юля · поворот у фонтана (три раза).
- Фонтан → угол: Юля и Ноа · Гуни · ничего (но медленно).
- Угол → двор: Гуни и Юля · Ноа · вход: карта была старая.
- Суббота: все трое · все трое, по очереди · ремень (со второго раза, на третьей дырке).
- До нас: Мара, одна · никто · девять ходок.
- R.: ? · ? · мы не знаем.

Внизу я нарисовал тройкомер, с его четырьмя заполненными клетками и тремя именами, поменявшимися местами.

Три клетки. Ну, четыре. Три имени. Ни одной пустой.
—Ю.

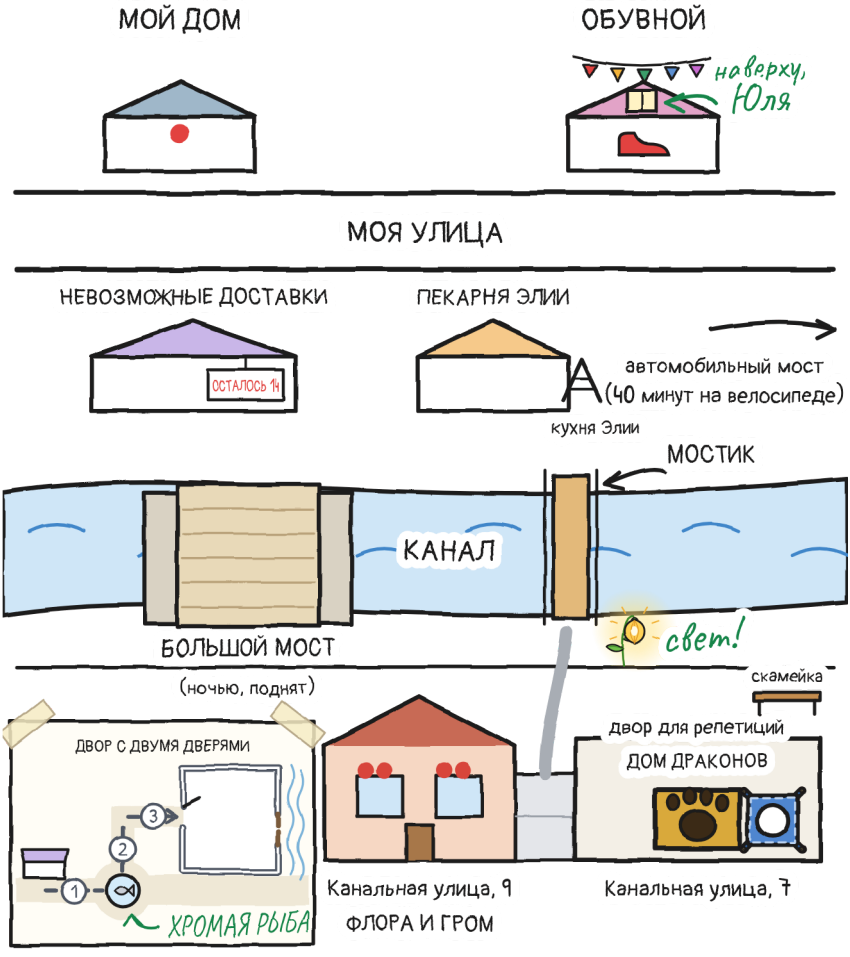
НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 7

(совсем скоро)

На этот раз на этикетке требовалось время, когда я уже в пижаме.

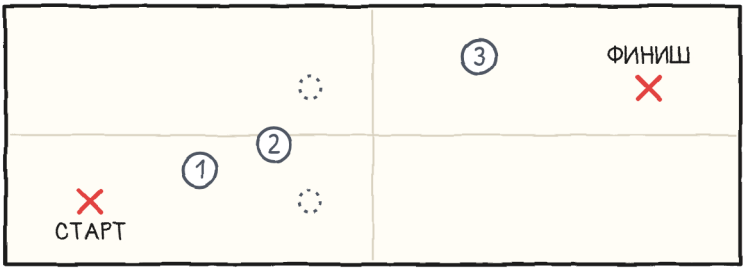
Кто не спит, когда все закрываются? Кроме меня.
—Ю.

РАЙОН (версия 6)



ТВОЙ МАРШРУТ

Кто несёт? Кто направляет? Кто расчищает путь? Кто сообщает?



ТРОЙКОМЕР

	НЕСТИ	НАПРАВЛЯТЬ	РАСЧИЩАТЬ ПУТЬ	СООБЩАТЬ
участок 1				
участок 2				
участок 3				

Если в клетке всегда одно и то же имя, смени. —Ю.

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждый в своём размере. Один и тот же театрик.
—Ю.

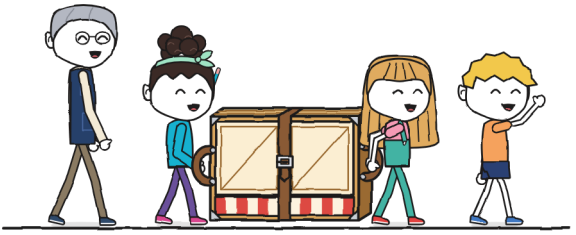
ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)

НАСТОЯЩАЯ ПЕРЕНОСКА: ЧТО ДЕЛАТЬ

1. Перед выходом посмотри на весь путь.
2. Один человек идёт свободным: открывает двери и сообщает.
3. Руки — на ручках. Подальше от шарниров и застёжек.
4. С грузом не бегают и не соревнуются.
5. Если кто-то говорит «стоп», останавливаются все.
6. Сначала ставят на землю; потом спорят.
7. Большое раскрывают и складывают вдвоём, со взрослым.

Печать ТОЛЬКО В СКАЗКЕ обозначает то, что может случиться в сказке, но не при настоящей переноске.



А если ты знаешь что-то о дороге, скажи об этом заранее. —Ю.